ЧУЖАЯ ЗАРУБКА

Артем Гусляров

Чужая зарубка

«Автор»
2026

Гусляров А.

Чужая зарубка / А. Гусляров — «Автор», 2026

Чужая зарубкаЗимой 1207 года Анна молится, чтобы её муж взялся за ум. Он пьёт, играет в кости и только что проиграл мешок ржи, который семья берегла до весны. Наутро соседи приносят его домой из метели. Кирилл открывает глаза, смотрит на Анну и спрашивает, кто она.Ещё вчера он был заводским слесарем, жил один и едва не погиб, вытаскивая ученика из-под упавшей рамы. Теперь у него жена, трое детей и долг, отмеченный зарубками на деревянной бирке. Станки здесь заменяет мельница, а первый заработок Кирилла измеряется мукой. Дома старшая дочь всё ещё прячет от него деньги.Весной семья нанимается на зерновой караван, идущий вниз по Усте. В городе Рубеже обнаруживается недостача. Пока купчиха и весовщик спорят, куда делось зерно, Кириллу приходится решать, сколько правды он готов сказать вслух. И о том, что случилось на реке, и о том, почему в зимнюю ночь он не узнал собственную жену.

© Гусляров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

I. ЗИМА В ОЛЬХОВОМ БРОДУ 5
Глава 1. Пустой рукав 5
Глава 2. Четверо у лавки 9
Глава 3. Дымная ложка 13
Глава 4. На слух 17
Глава 5. Кости 21
Глава 6. Игольное ушко 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Артем Гусляров
Чужая зарубка

I. ЗИМА В ОЛЬХОВОМ БРОДУ

Глава 1. Пустой рукав

Ольхов Брод. Зима 1207 года.

Анна заметила пропажу, когда полезла за лучиной. Мешок стоял у стены, и за ним оставалось место для щепы. Теперь рука прошла до самого угла. Она выгребла две лучины, подняла с полу ржаное зерно и положила его на край полки. Там уже лежали три таких же. Петя собирал их с того дня, как принесли мешок, и говорил, что к весне заведёт своё поле.

Кирилл сидел у стола в одном сапоге. Второй он стянул до пятки и бросил это занятие. От него пахло кислым хмелем. На колене темнела мокрая полоса, будто он долго стоял в снегу на одном колене.

— Где рожь?

Он подцепил носком голенище.

— У Гриди.

Анна подождала. Из-за печи слышалось, как Маша выковыривает из волос Лиды засохшую кашу. Лида терпела, пока ей давали держать гребень за другой конец.

— Он её смолоть взял?

Кирилл помолчал. Анна ждала.

— Проиграл я её.

— Весь мешок?

— Сперва половину. Потом и остальное.

Она села на лавку, потому что стоять перед ним оказалось глупо. Поутру она собиралась отсыпать ржи на помол и уже прикинула, сколько взять с собой Маше, чтобы та донесла. Егор Весло одолжил им зерно до весны. Он сам завязал мешок и, когда Кирилл взваливал его на плечо, придержал снизу. Анна тогда ещё сказала, что они вернут зерно с прибавкой. Зачем было говорить про прибавку, если Егор её и не просил?

— Маша, отведи Лиду на полати, — сказала она.

— Я уже вычесала.

— Хорошо. Отведи.

За печью зашуршали. Кирилл снова принялся за сапог и наконец его снял. Из голенища вывалился клочок соломы. Он подобрал его и растёр между пальцами.

— Гридя даст отыграться.

— Чем?

Кирилл молчал.

— Ты на что ещё играл?

— Больше ни на что. Ты бы голос понизила.

Анна и сама слышала, как далеко разносится её голос в тесной избе. Она потянулась к столу за кружкой и отодвинула её от себя. Пить из неё после него сейчас не хотелось.

— Останешься дома. Утром пойдём к Гриде вдвоём. Я спрошу при его жене, куда он дел мешок.

Кирилл потёр лицо ладонями. На миг ей показалось, что он обрадовался. Ему всегда бывало легче, если она называла что-нибудь, что можно сделать утром.

— Не ходи к ним, — сказал он. — Он жене про рожь сказал, что купил.

— Почём, интересно?

Кирилл встал, сунул ногу обратно в сапог и промахнулся. Анна протянула руку, чтобы придержать его за локоть. Он дёрнулся с такой обидой, будто она уже успела его ударить.

— Я сам схожу.

Она встала между ним и дверью. С той стороны скребло снегом по нижней доске. В сумерках Анна ходила за водой, и дорогу от колодца до крыльца уже тогда заносило. От дома Гриди до их двора было недалеко, если держаться изгородей. Посреди села изгородь обрывалась, и оттуда к Усте уходил открытый спуск.

— До утра посиди, — сказала она. — Сними мокрое.

Он нагнулся за рукавицей. Вторая лежала у неё на коленях, где она утром зашила дыру. Пока Анна искала её рукой, Кирилл отодвинул засов. Дверь пошла туго, он навалился плечом, потом протиснулся в щель. Анна крикнула ему про рукавицу. Он, должно быть, не услышал. В избу нанесло снега, и дверь пришлось закрывать обеими руками.

Петя спустился с полатей задом, ища ногой лавку.

— А где моё зерно?

— На полке твоё зерно.

— Я про большое.

Анна поправила ему рубаху, задравшуюся на спине.

— Большого больше нет. Иди погрей Лиде ноги, ты горячий.

— Она пихается.

— Ты ей скажи, что уйдёшь греть Маше.

Петя подумал над этим и полез обратно.

Через некоторое время Анна накинула платок и дошла до плетня. Во дворе ещё угадывались следы Кирилла. За воротами снег лежал ровно. Она покричала и постояла, заслоняя лицо рукавом. Слышно было, как у соседей хлопает плохо притворённая калитка. Анна добралась до неё, сунула щеколду в скобу и постучала в ставню. Сосед отозвался из сеней. Кирилла он не видел и обещал поглядеть у себя за сараем, где в затишье иной раз пережидали ветер.

Вернувшись, Анна сняла с жерди детскую одежду. Если двинуться к сестре, следовало брать всё сухое. Сестра жила за дальним концом Ольхова Брода, у дороги, по которой возили сено. До неё и в ясный день пришлось бы нести Лиду половину пути. Анна положила на расстеленную холстину две рубахи, онучи и шерстяную юбку Маши. Свернула Лидину рубашку, заправив один рукав в другой. Потом взяла свою запасную, с заплатой под мышкой. Сестра когда-то отдала ей эту рубаху на тряпки. У неё самой было две девочки, и обе спали под одним старым кожухом.

Маша смотрела сверху, свесив косу.

— Мы к тётке?

— Если придётся.

— Квашню возьмём?

Анна взглянула на квашню. Внутри под тряпицей остался подсохший ободок теста.

— Большая она.

— Я донесу. Петька пусть Лиду несёт.

— Лида Петьку скорей донесёт.

Маша втянула голову, и Анна услышала, как она фыркнула. Потом девочка спросила, класть ли отцовское. Анна оглядела лавку. На ней осталась рукавица со свежим швом, и возле ножки лежала солома из сапога.

— Спи пока, — сказала она.

Она стянула узел и пододвинула его к стене. Потом долго сидела у печи, прислушиваясь к каждому звуку у порога. Хотелось услышать, как Кирилл возится с засовом, и хотелось ещё хоть немного посидеть в тишине.

Когда дети улеглись, Анна встала перед образом. За день она несколько раз принималась молиться на ходу и всякий раз обнаруживала, что уже думает о другом. Теперь она перекрестилась и попросила, чтобы Кирилл нашёл людское жильё и его пустили. Так она и сказала, потому что некоторые могли увидеть, кто пришёл, и оставить дверь на засове. Потом вспомнила, как он учил Машу ходить по бревну, переброшенному через канаву. Бежал сбоку в грязи, держал ладонь под её ладонью и смеялся, когда она требовала убрать руку. Маша теперь сама водила Петьку через ту канаву.

— Господи, дай детям отца порядочного, — сказала Анна. — Чтобы они могли у него спросить, что им делать, когда меня рядом нет.

Она помолчала и добавила:

— И чтоб было у кого спросить.

Кирилл собирался уйти с завода в семь. В свои тридцать семь он так и не научился готовить на одного. Откроешь банку горошка, два дня потом доедаешь. Сегодня он решил купить к ней пару яиц. Продавщица в ларьке у проходной продавала их поштучно и звала его женихом. Другие от этого отшучивались, а Кирилл думал, что, кроме продавщицы, никто на свете так его и не назвал. В половине седьмого Денис пришёл за воротком. Он был учеником третий месяц и всё ещё спрашивал, можно ли взять инструмент с верстака, даже когда дело поручил ему сам Кирилл.

Кирилл нашёл вороток у себя под ветошью, отдал и пошёл следом. Денису велели снять крепёж со старой рамы. Поставили её возле стены на деревянные подкладки, одну тонкую, другую потолще. Кирилл уже видел эту раму после обеда и подумал, что подкладки надо переставить. Потом его позвали к насосу, и он решил сказать про них мастеру при случае.

Денис присел с воротком. Кирилл окликнул его с прохода. Парень повернул голову, и в ту же секунду у стены сухо щёлкнуло. Тонкая подкладка выскочила. Денис успел убрать плечо, рама ударилась о бетон и прижала ему ногу.

Он сказал:

— Ой.

Кирилл потом мог бы вспомнить именно это короткое, почти вежливое «ой». Пока же он видел ладонь Дениса на полу и вороток, который всё ещё был у него в руке.

— Положи. Позови людей. Громко, Денис.

Парень открыл рот и набрал воздуху. Кирилл сам крикнул в сторону поста, чтобы принесли домкрат и звали скорую. У стены ещё лежали бруски, оставшиеся после разгрузки. Он перетащил их ближе, опустился на колено и заглянул под раму. Денис пытался оттолкнуться свободной ногой.

— Лежи. Слышишь меня?

— Маме только пока не звоните. Она на смене.

— Хорошо. Скажи, где болит.

— В ноге. Где ж ещё?

Кирилл поднял глаза. Денис смотрел на него сердито и прямо. Это помогло обоим на несколько секунд. Потом прибежал мастер с домкратом, за ним двое из соседнего пролёта. Один хотел взяться руками за верхнюю перекладину. Кирилл показал, куда ему встать, чтобы придержать раму сбоку, и подложил под пяту домкрата стальную плиту. На первых качках домкрат повело. Пришлось опустить и поставить заново. Денис коротко взвыл, и Кирилл, у которого уже был готов ответ про терпение, прикусил губу.

Раму приподняли. Кирилл подсунул брусок, добавил второй и только тогда велел мастеру тянуть Дениса за куртку. Парень проехал по бетону на спине и оказался у него под руками.

Кирилл отодвинулся, освобождая место, и услышал треск сверху. Рама качнулась на подкладках. Он успел толкнуть Дениса за плечо дальше в проход. Ребро рамы задело его самого, и бетон ударил в затылок прежде, чем он понял, что упал.

В больницу его довезли живым. На один короткий миг человек, лежавший на каталке, открыл глаза. Он ждал снега на лице. Последнее, что помнил, было у самого спуска к Усте, где он сел поправить сапог и долго совал замёрзшие пальцы мимо голенища. Теперь над ним горел белый свет, а какая-то женщина с открытой головой наклонилась так низко, что он мог бы коснуться её щеки.

Бог услышал Анну. Пока женщина держала пальцы у горла больного, Кирилл, ушедший в метель, успел шевельнуть губами в чужом теле.

— Анна.

Женщина переспросила. Он уже её не слышал.

На рассвете Анна различила у крыльца шаги. Снег перестал бить в дверь, и снаружи разговаривали вполголоса. Она подняла засов. Сосед и его старший сын держали Кирилла на снятой с петель калитке. Ноги у него были прикрыты рогожей, один сапог сидел поперёк ступни, как на ребёнке, которого одевали в темноте.

— У спуска нашли, за ольхой, — сказал сосед. — Под самый берег скатился бы, ещё немного. Подержи дверь.

Анна распахнула дверь шире. Калитка застряла у косяка, и пришлось подать её вперёд одним углом. На лавку Кирилла переложили втроём. Старший соседский сын никак не мог вынуть руку у него из-под спины. Анна приподняла мужа за плечо, и мальчик высвободился.

Лида проснулась от голосов и позвала Машу. Анна попросила детей остаться наверху, положила на лавку свёрнутую одёжу и осторожно устроила на ней Кириллову голову. Сосед помог стянуть сапоги. Онучи под ними затвердели. Анна принесла сухой холст и велела соседскому сыну придвинуть лавку ближе к печи, пока отец держал её с другого края. Когда они ушли, она укрыла Кирилла всем, что успела достать из узла. Себе оставила рубаху с заплатой, потом и её подсунула под бок, где тянуло от стены.

Он дышал с остановками. Анна села рядом и положила ладонь ему на грудь, чтобы чувствовать, когда она поднималась. Под пальцами был знакомый рубец у ключицы, с детства, от косы. Она перебрала в уме, что скажет ему, если он очнётся. Про рожь можно было и после. Можно было сказать, что сосед нашёл его вовремя, и спросить, чувствует ли он пальцы. Она взяла его за руку. Из-под холста выскользнул пустой рукав Лидиной рубашки.

Кирилл открыл глаза и некоторое время глядел на него. Потом перевёл взгляд на Анну. Она наклонилась ближе, решив, что он хочет пить.

— Вы кто?

Глава 2. Четверо у лавки

— Жена я твоя.

Рука под её ладонью дёрнулась. Анна решила, что сделала ему больно, и отпустила пальцы. Он глядел на неё снизу, с той сосредоточенностью, с какой человек слушал незнакомое имя и старался его запомнить.

— Анна, — добавила она. — Ты Кирилл. Тебя у старой ольхи нашли.

Он шевельнул губами. Она принесла тёплой воды, придержала ему затылок. Он стал пить жадно, поперхнулся, и вода потекла за ворот. Анна вытерла ему шею Лидиным рукавом. Теперь рубашку всё равно придётся сушить.

С полатей свесилась Машина коса.

— Мам, она кусается.

— Дай ей тряпицу.

— Она сквозь тряпицу.

Анна хотела велеть Маше потерпеть, но та с ночи держала сестру, и на запястье у неё уже краснели два следа. Анна велела всем спускаться. Петя съехал первым, в одной онуче. Маша передала ему Лиду, а когда слезла сама, тот передал её обратно, как полено, которое попросили подержать.

— Это твои дети, — сказала Анна. — Маша, Петя и Лида.

Маша прижала сестру к себе. Петя стоял посреди избы, поджимая босую ногу. Кирилл посмотрел на каждого, на Лиде задержался.

— Сколько ей?

— К лету два будет. Маше двенадцать, Пете восемь.

— А мне? — спросил он.

Анна подумала, что ослышалась.

— Тридцать семь с осени. Ты ровесник моему брату.

Он прикрыл глаза. Она думала, что ему стало хуже, и подалась к нему, но он кивнул, будто хоть этот ответ подошёл.

Маша поставила Лиду на пол и пошла за водой. Анна услышала, как за дверью она споткнулась о порог и тихо выругалась отцовским словом. Прежде Анна окликнула бы её. Сейчас она только заслонила ногой сапоги, чтобы Лида не добралась до мокрых онуч.

Анна соскребла со стенок горшка вчерашнюю кашу, развела горячей водой. За вчерашним ужином Петя просил добавки, и она сказала, что горшок пуст. Теперь он заглянул ей под локоть. Анна дала ему облизать ложку и вручила миску для отца. Петя понёс её обеими руками. У лавки Кирилл попробовал приподняться ему навстречу, но упал затылком на свёрток. Петя быстро поставил миску на пол и подхватил её опять, когда Лида присела рядом, готовая есть.

Кирилл позволил Анне кормить себя с ложки. Каждую третью ложку она остужала подольше, потому что он начинал торопиться и прихватывал губами дерево. Доел, сказал спасибо. Петя перевёл взгляд с него на мать. Анна отнесла миску к горшку и долго выскребала из неё одну приставшую крупинку.

К полудню Кирилл уснул. Анна вынесла на крыльцо мокрое тряпьё. Ветер стих, и за крайними дворами стало видно ольхи вдоль Усты, а между стволами белела река. Ещё ночью она прикинула, как пойдёт к сестре. Маша понесёт узел, Петя пойдёт впереди по следу от саней, Лиду придётся нести самой. У сестры в избе двое своих кашляли. Зять нашёл бы им место, а утром спросил бы, надолго ли они. Анна и ночью знала, что он спросит, и всё же сложила рубахи.

Теперь рубахи лежали на Кирилле. Можно было снова свернуть их, как только он сможет сам взять миску. Но ей вспомнились собственные слова перед образами, как она несколько

раз начала про мужа и под конец попросила за детей, чтобы у тех был порядочный отец. На рассвете принесли Кирилла, и вот он спросил, сколько ему лет. Связать одно с другим у неё не получалось. Она знала только, что больного оставлять нельзя, а ходить к сестре каждый день по такому снегу она не сможет. Она решила остаться с детьми дома и выходить его. Дальше можно было решать, когда он встанет.

В избе Маша сидела на корточках у печи. При виде матери она так поспешно поднялась, что стукнулась локтем о край лавки. Из-под пальцев у неё выскочила серебряная обрезка. Анна ползимы чинила чужое бельё, чтобы получить её. Маша подняла серебро и зажала в кулаке.

— Из узла взяла?

— Он развязался.

— Сам?

— Ты из него всё повытаскивала.

Это было верно. Анна протянула ладонь. Маша разжала пальцы, подержала их раскрытыми и опять согнула.

— Он за сапогами как полезет, найдёт. Ты всегда туда кладёшь.

Кирилл спал, выставив из-под одёжи красную распухшую кисть. Анне захотелось сказать дочери, что отцу сейчас и сапога не поднять. Но серебро она сама ночью вынула из сапога и завязала в угол узла.

— Куда ты хотела?

Маша показала щель у печного столба. Туда входило серебро и ещё кусок черепка, которым она собиралась подпереть его снизу, чтобы не провалилось. Анна посмотрела, как дочь примеряет черепок. Та срезала об него заусенец, обсосала палец и попробовала снова.

— Ладно. Если надо будет вынуть, вынем вместе.

Они разобрали то, что осталось в узлах. Петя вытянул свои запасные онучи и сразу сунул ноги в обе, хотя одна была Машина, длинная. Маша забрала её и повесила сушиться. Лида получила деревянную ложку, которую Анна взяла бы к сестре, чтобы девочка не таскала ложки у двоюродных. Все вещи нашли место. Верёвку от большого узла Маша ещё держала в руках.

— К тётке не пойдём? — спросила она.

— Побудем дома. Ложись сегодня со мной с краю, чтобы Лида тебя под стену не загоняла.

Маша смотала верёвку на ладони и убрала туда, где отец прежде держал свою.

На другой день Кирилл уже сидел, упираясь спиной в стену. Ступни болели, и, когда Анна меняла на них холст, он сжимал зубы. Она спросила, где больнее. Он сказал, что слева, потом через минуту сказал, что соврал и справа тоже, только справа он сперва вовсе ничего не чувствовал. Анна присела и укрыла обе ноги. Дома у неё с детства считалось, что на вопрос о боли надо отвечать сразу и точно. С Кириллом ей приходилось спрашивать по два раза. Она уже успела на него прикрикнуть, прежде чем сообразила, что он сам пробует понять, где у него что болит.

Петя принёс чурку, сел напротив и положил на колени отцовский пояс.

— Помнишь, как ты меня с крыши амбара снимал?

Анна обернулась от печи. На амбарную крышу Петя сроду не лазил. Однажды он залез на поленницу и велел Маше принести лестницу. Та принесла ему обед, села внизу и съела половину у него на глазах. После этого он спустился.

— Что я тебе тогда сказал? — спросил Кирилл.

— Что ещё раз полезу, жить там оставишь. И еду будешь на верёвке подавать.

— Удобно. На горшок тоже верёвку привязали бы?

Петя ухмыльнулся, но тут же посерьёзнел.

— А ты правда помнишь?

Кирилл помедлил.

— Сейчас я знаю про крышу, потому что ты рассказал.

Петя потянул конец пояса, свисавший у него между колен.

— Я придумал. Хотел поглядеть, согласишься ли.

— Петя, — сказала Анна. Она собиралась велеть ему вернуть пояс и оставить отца в покое, но Петя уже положил пояс на лавку.

— Если б ты помнил, ты бы сказал, что я вру.

Кирилл провёл большим пальцем по пряжке. Анна видела, как трудно ему давалось простое движение. Он посмотрел на Петю.

— Расскажи, что было на самом деле. Что тебе хочется, чтобы я помнил.

Петя долго выбирал. Наконец сказал, что отец прошлой весной принёс с Усты налима и рыба выскользнула у него из рук прямо в Лидину зыбку. Лида тогда ещё лежала, где положат, но в тот раз мать взяла её кормить. Петя показывал, как налим бил хвостом, и задевал пяткой ножку лавки. Анна помнила, как отмывала зыбку. До слов Пети она забыла, что муж сам сгонял за чистым сеном, пока она полоскала подстилку.

Лида подошла к лавке, положила Кириллу на колено щепку и накрыла её его ладонью.

— Где?

Он поднял руку.

— Тут.

Лида вздохнула и опять прижала его ладонь. Маша подсказала, что сперва надо посмотреть на потолок и под лавку. Кирилл заглянул под лавку, насколько мог наклониться, потом спросил, не в печи ли щепка. Лида смеялась и всякий раз поднималась на цыпочки, чтобы проверить, там ли она, где надо. На четвёртый раз, пока Кирилл глядел вверх, она забрала щепку себе за пазуху. Он поднял ладонь и уставился на пустое колено. Тут Лида разволновалась, похлопала себя по животу и заплакала. Щепку пришлось искать уже всерьёз. Нашли её в подоле, куда она сползла под рубахой. Лида унесла добычу к печи и до вечера никому не давала.

Когда дети забрались наверх, Анна села у Кирилловых ног. За день он дважды спросил, отчего ушёл из дома в такую погоду. В первый раз она возилась с холстом, во второй при детях сказала, что поговорят после. Теперь он сам её не торопил. Он держал миску, грея ладони о бока, и пил жидкий отвар маленькими глотками.

— Ты рожь проиграл, — сказала Анна. — В кости. Целый мешок. У Егора Весла брал взаймы, с ним и расплачиваться.

Он перестал пить.

— Егор мне его дал?

— Ты принёс мешок домой и поставил вот сюда. Я ещё попросила от стены отодвинуть, там сыреет. После обеда ты за ним вернулся, сказал, на помол понесёшь. Мешок видел у игроков Ефимов сын. Он к нам прибежал, пока ты ещё там был.

Она собиралась сказать, что сама вытолкала Кирилла за дверь. Всю ночь ей помнилось именно так. Теперь, пока она говорила, вспомнила его локоть. Она держалась за рукав, он выдернул руку. Дверь за ним осталась открыта, и она сперва подняла с пола Лиду, которая полезла следом, а потом закрыла.

— Я тебе сказала, чтобы шёл за мешком. Думала, ты и пошёл. Куда ты направился, никто не видел.

— А Егор уже знает?

— Я ему сказала. Он давал до весны. Только у нас теперь и на еду горсть осталась.

Кирилл опустил миску на лавку, придерживая её, пока не убедился, что стоит ровно. Потом спросил, много ли весит мешок. Она показала ладонью, докуда он доставал, когда стоял у стены. Он посмотрел на это место.

— Я пока до двери не дойду, — сказал он.

— Сегодня хватит и так.

На третье утро он попросил сапоги. Анна принесла их, хотя была уверена, что ступни туда не войдут. Он попробовал натянуть правый, застрял на пятке и вернул ей. Тогда она обмотала ему ноги сухим холстом и поверх привязала старую кожу, которую всё собиралась пустить на подмётки. Кирилл встал, держась за край лавки. Анна подалась было под его руку. Он попросил её подождать, постоял и шагнул боком вдоль стены.

Маша открыла дверь. Петя на крыльце расчистил ногой место, где на досках намёрзло. До порога Кирилл добрался сам, там опёрся на Аннино плечо. На ступеньке они застряли. Он выставил левую ногу и долго держал её на весу, а Анна вспоминала, как на этом же крыльце он когда-то учил Машу спускаться, ставил её босую ступню на свою и вместе с нею шагал. Теперь она нащупала носком нижнюю доску и сказала ему, где край.

Во дворе снег был утоптан до самого места, где сосед с сыном остановились с ношей. Анна пошла туда, но Кирилл повернул к стене. Под свесом лежало полено, которое Петя оставил с утра. Кирилл попросил присесть. Анна подумала, что ослышалась, потом поняла, что он просит для себя, и помогла опуститься на полено. Из дома высунулась Лида, голая нога уже искала ступеньку. Петя втянул её за подол, и за дверью поднялся крик.

Кирилл посмотрел туда и стал подниматься. Анна положила руку ему на плечо.

— Посиди. Она сейчас ему сапог принесёт. Думает, кто обулся, того выпустят.

Дверь приоткрылась. На пороге показался Петин сапог. Анна подождала, пока рядом поставят второй, и пошла за Лидиными онучами.

Глава 3. Дымная ложка

Утром Анна выскребла горшок, налила на дно воды и поставила к углям. Вода побелела. Лида попробовала её с ложки, подумала и распахнула рот ещё шире, словно виновата была ложка, зачерпнувшая слишком мало. Анна дала ей допить из чашки.

— А мне? — спросил Петя.

— Тебе могу горячей воды налить.

Он заглянул в горшок, проверяя, всю ли белизну отдали сестре. Потом взял с полки лучину и начал ковырять ею в щели между брёвнами.

— Там летом горошина упала.

— Если найдёшь, покажи мне прежде, чем съешь.

Петя поглядел на неё искоса и отложил лучину. Анна и сама с утра дважды ощупала полотняный мешочек, в котором держала муку. В нижнем шве застряло несколько крупинок. Их она вытряхнула в горшок ещё до того, как дети встали.

Маша собралась к тётке. Она уже обмотала ноги и сидела на краю лавки, подтягивая завязку. До сестры Анны было полсела. После метели у неё занесло сенцы, и Маша рассчитывала вымести снег за миску еды, если двоюродные братья ещё спали.

— Скажи, что я к обеду зайду, если ей что нужно, — сказала Анна.

— Ты тогда сама и отработаешь. А мне что делать?

Маша затянула узел зубами и ушла. Анна осталась с протянутой рукой. Она хотела поправить дочери платок и вспомнила, что та уже с осени убирала голову, когда её поправляли.

Кирилл сидел у печи, спустив ноги. На нём были домотканые штаны и та самая рубаха, в которой его принесли. С рукава Анна срезала затвердевший от крови край. Теперь, когда он тянулся за чем-нибудь, наружу выходила целая рука до локтя. Он спросил, у кого ещё можно попросить крупы.

— У Дроси. Она за рубаху обещала. Я к ней сейчас.

— А за работу во дворе кто-нибудь даст?

— Смотря что сделаешь. Ты вчера до полена дошёл.

— Сегодня дальше дойду.

Он говорил это, глядя на свои ступни. Пальцы на правой ноге всё ещё плохо сгибались. Анна поставила перед ним сапоги, чтобы примерил, и отнесла подальше те, в которых его нашли. Их свело от сырости, и кожа на одном носке лопнула.

Дрося у себя дома отмеряла лён на длинную рубаху. Она прижала отрез к плечу, опустила до пола и спросила, много ли уйдёт на подол. Анна провела ногтем по сгибу.

— Столько заверну. Если захочешь потом удлинить, будет из чего.

— Куда мне удлинять? Я уж в росте убавляюсь.

Рубаха предназначалась Дросиной старшей дочери. Та должна была приехать к матери с мужем, и Дрося хотела положить обновку на лавку там, где дочь станет раздевать детей. Мерку она сняла осенью со старой рубахи, которую дочь оставила сушиться, и теперь боялась, что рукава вышли коротки. Анна приложила к отрезу старый рукав. Он оказался пропален с краю, и Дрося призналась, что мерила до дыры.

— Сделаю с запасом. Дай гороху сейчас.

— Я тебе за всю рубаху обещала две миски.

— Одну сейчас, другую, когда принесу. И нитка твоя.

Дрося ущипнула ткань возле кромки.

— Тут можно надёргать.

Анна потянула одну нитку. Та вышла клочьями, на локоть добротной нити пришлось бы трижды надставлять.

— До первого мытья рукав выдержит, — сказала она. — Если бережно мыть.

Дрося посмотрела на неё, потом хмыкнула и достала из сундука моток. С горохом вышел ещё один спор. Дрося принесла маленькую посудину, в какой держала на столе соль, и сказала, что сговор был на миску без указания, какую. Анна свернула лён обратно, положила сверху моток и подвинула свёрток к хозяйке.

— Ты к вечеру начнёшь? — спросила Дрося.

— До полудня начну, если большую достанешь.

Дрося достала большую и насыпала в неё горох вровень с краями, дважды встряхнув. У двери окликнула Анну и сунула ей в свёрток сухую луковицу. Анна хотела поблагодарить, но Дрося сказала, что луковица тронулась от шейки и всё равно пропадёт. Дома Анна срезала шейку. Вся остальная луковица была крепкая.

К полудню горох ещё постукивал о стенки горшка, когда Петя мешал его ложкой. Маша вернулась с половиной варёной репы за пазухой. Тётка накормила её и велела отнести остаток младшим. Петя сразу попросил свою долю. Маша вынула репу, разломила её и больший кусок положила рядом с Лидой. Та облизала оба.

Анна разложила лён на столе и расправила кромку. Пока она отмеряла длину, Кирилл с Петей возились по углам. Накануне у самой лавки тянуло по полу, и сейчас Кирилл проталкивал в щели сухой мох. Петя приносил его из сеней, выбирая сор и длинные стебли. Они спорили, где дуло сильнее. Анна дала им обрывок нитки, чтобы подносили к щелям и смотрели, куда его потянет. Петя сперва подул на нитку сам, для верности. Потом вошёл во вкус и нашёл дыру возле нижней дверной петли, о которой Анна знала с осени.

Она успела скроить стан и один рукав. Когда села шить, Кирилл набил мох над дверью и, спросив, зачем из-под притолоки вынута тряпица, засунул её обратно. Анна в ту минуту держала нитку зубами, а Лида тянула за свисающую полу отреза. Она успела только отцепить маленькие пальцы.

Потом защипало глаза. Дым собрался под потолком, повис между печью и дверью и пошёл ниже. Анна отложила иглу и подняла с лавки ткань.

— Отвори дверь. Петя, возьми Лиду.

Кирилл шагнул к печи.

— Я дверь сказал, — отчётливо повторил за матерью Петя и, схватив Лиду поперёк живота, поволок её к выходу.

Кирилл открыл. С порога метнулось по полу холодом, дым поднялся к притолоке. Анна послала Машу в сени с отрезом, затем выдернула тряпицу сверху. Дым потянулся к щели.

— Тут всегда открыто держишь?

— Пока топится. Вон верхнюю заслонку ещё подними. За деревянный край берись.

Он поднял и придержал её, пока Анна устраивала подпорку. Они стояли рядом, глядя, как в открытый волок уходят клочья дыма. Кирилл кашлянул в рукав. Ей захотелось сказать, что за тряпицу он взялся так же уверенно, как раньше брался распорядиться остатком муки. Она уже открыла рот и тут вспомнила, как сама дала им нитку искать щели.

— У пола хорошо вышло, — сказала она. — Там оставь.

Горох между тем пристал ко дну. Анна перелила его в миску, стараясь не задеть ложкой пригоревшее. За едой Петя повертел свою ложку и сказал, что она дымная. Маша понюхала.

— Твоя всегда дымная. Ты ею угли ворошишь.

Петя попросил у неё чистую на пробу. Маша дала, дождалась, пока он хлебнёт, и спросила, как теперь.

— Теперь горелое.

Анна положила ему пол-ложки лука из середины миски. Он съел и больше про горелое не говорил.

После еды она села у двери с шитьём. Там хватало света разобрать каждую нитку основы. Кирилл убрал горшок с прохода и подтянул к себе низкую скамью. На ней обычно ставили ведро, а Петя любил стоять, когда выглядывал через открытый волок во двор. Одна ножка гуляла. Давно ещё Кирилл, вернувшись домой под утро, сунул под неё щепку, которая держалась, пока скамью не двигали. Анна подбирала её с пола столько раз, что знала на ощупь оба конца.

Кирилл тоже начал с щепки. Подсунул, надавил ладонью, проверяя, и скамья качнулась в другую сторону. Лида присела рядом и тут же забрала щепку. Он посмотрел, как она унесла её к своей чашке, перевернул скамью и потянул ножку на себя. Та вышла из гнезда.

— Дерево сухое найдётся? — спросил он.

Анна показала на обломок берёзового полена в дровах. Кирилл примерил его к гнезду, отколол от края тонкую пластинку и принялся строгать. Держал нож близко к себе, понемногу поворачивая деревяшку. Анна дважды успела протянуть нитку через лён, пока он снимал одну стружку. Потом она перестала поглядывать на его руки. Рукав требовалось приметать ровно, а ткань у среза осыпалась от каждого прикосновения.

Когда Кирилл позвал Петю, скамья стояла посреди пола. Петя вскочил на неё обеими ногами.

— С краю попробуй, — сказал Кирилл и подал ему руку.

Петя перенёс вес на пятку. Скамья осталась на месте. В гнезде рядом с ножкой виднелся светлый торец клинышка, срезанный вровень с доской. Анна перетащила скамью к стене и поставила на неё ведро. Щепка больше не требовалась. Лида всё равно принесла её обратно и положила сверху.

К Егору Веслу Кирилл собрался, когда стемнело. Он долго возился с сапогом на правой ноге и обулся только после того, как Анна перемотала онучу. Она пошла с ним. По дороге он спросил, при ком брал рожь. Анна назвала Егора и его сына, державшего мешок, пока зерно пересыпали. Тогда Анна ещё думала, что до весны они сыты. Пока муж отлёживался, Егор зашёл узнать, хорошо ли рожь мелется, и ей самой пришлось говорить с ним у пустого ларя.

У Егора под навесом лежали перевёрнутые сани. Он сидел рядом на чурбаке и выправлял загнутый конец полоза. Увидев их, убрал с соседнего чурбака топор. Кирилл сел. Анна осталась стоять, придерживая край платка у горла.

— Мешок у тебя брал, — сказал Кирилл. — Работой отдавать можно?

— Можно. Сколько нынче поднимешь?

Кирилл упёрся руками в колени, будто собирался встать, и остался сидеть.

— Что подниму, сам пока не знаю. Могу сидя делать. Дерево зачистить, верёвки перебрать.

— Верёвки перебрать надо. Только мне за хороший конец обидно будет, если ты его обрежешь.

— Покажешь, где резать.

Егор провёл большим пальцем по полозу и выдернул из дерева застрявшую стружку.

— У меня ещё дрова. Наколешь на две топки, как нога пройдёт. За верёвки и те дрова скину по мерке. Дальше посмотрим.

Анна спросила, сколько мерок он считал в мешке. Егор ответил, что восемь. Она помнила семь полных, а в последнюю его сын сгрёб ладонью со дна то, что там осталось. Они поспорили, какой стороной тогда держали мерку, пока Егор не позвал сына. Тот крикнул из сеней, что мерка осталась у них под ларём, а сколько насыпали, он не помнит. Кирилл предложил сперва сойтись на семи и оставить остаток до тех пор, пока не выяснят, сколько было в остатке. Егор почесал нос, сходил в сени и вернулся с меркой. По внутренней стенке шла вытертая черта. Егор показал, до какого места сыпал в последний раз. Анна согласилась на семь с половиной.

Егор принёс две сухие половинки расщеплённой палочки. На одной возле конца торчал сучок, и половинки можно было приложить только одним способом. Он сжал их в руке и прорезал по краям семь зарубок и ещё одну короткую. Договорились, что по мере уплаты будут ставить поперёк старых надрезов новые, снова сложив деревяшки. Одну половинку Егор сунул себе за пояс, вторую протянул Кириллу.

— Завтра за верёвками приходи после еды.

На обратном пути Анна шла медленно. Возле крыльца Кирилл взялся за её локоть и переступил обледеневший край ступеньки. В избе Маша уже уложила Лиду. Петя сидел возле горшка и обгрызал горелое с деревянной ложки. Он хотел посмотреть, что принёс отец, но Кирилл сперва подал палочку Анне. Она пересчитала зарубки пальцем и положила её на полку, рядом с мотком Дросиных ниток. Потом подняла с пола Лидину щепку и подсунула под качавшийся горшок.

Глава 4. На слух

Лука держал дверь амбара плечом, пока Кирилл выскребал из-под неё лёд. От сырости нижний край двери распёрло. Она открывалась ровно настолько, чтобы пропустить человека боком, и всякий раз прихватывала его сзади за одежду.

— Савве скажи, чтобы глянул, — предложил Кирилл.

— Глядел. Говорит, до весны дотерпит.

— Дверь?

— Савва.

Кирилл вынес лёд на лопате. Лука убрал плечо, и дверь села обратно. Теперь её можно было открыть изнутри, если просунуть в щель черенок.

В углу амбара лопнул старый короб. Рожь просыпалась между ним и стеной, где за лето мыши натаскали трухи и сухого мха. Лука велел выгребать всё в два решета. Что останется целого, пойдёт курам. За работу он обещал миску варёного гороха и горсть сухого домой. Кирилл согласился сразу. Горох у них ели на прошлой неделе, и Лида тогда вылавливала горошины из своей чашки пальцами и складывала Анне на колено.

Утром он уже успел перетащить с Егором верёвки из сарая под навес. Толстые концы промёрзли, и пришлось вдвоём сворачивать их широкими кольцами. Егор сказал, что за один такой приход зарубку трогать рано. Кирилл и сам знал, сколько весит приснившийся ему ночью мешок ржи. Во сне он поднимал его с пола, мешок оседал, а под ним всякий раз оказывалась ещё горсть зерна.

Из амбара Кирилл слышал мельницу. Уста за берегом стояла подо льдом. Воду к нижнему колесу вели по короткому отводу, где у спуска чернела полынья. Возле неё ещё с утра кто-то скалывал наледь. Теперь стук топора прекратился. Колесо ворочалось, внутри мельницы глухо рокотало, и через равные промежутки к рокоту примешивался короткий скрип. Когда Лука принёс второе решето, Кирилл спросил, давно ли скрипит.

— С той стороны всегда что-нибудь слышно.

— Это через круг. Вот сейчас.

Лука постоял. Колесо прошло ещё круг, потом ещё один. Скрип повторялся так исправно, что Кирилл мог бы на каждый бросать по зёрнышку в решето.

— У Саввы спроси, — сказал Лука. — Только после короба. А то ты сейчас уйдёшь слушать и я сам полезу за этим добром.

За коробом нашлась детская ложка с погрызенным черенком. Кирилл отложил её на подоконную дощечку у ставни, а когда вышел с последним решетом, увидел ложку у Луки за поясом. Тот заметил его взгляд.

— Младшего. Он говорил, мыши утащили. Я ему за враньё ухо надрал.

— Скажешь теперь?

— Ложку верну. Там видно будет.

Лука высыпал горох в тряпицу, завязал за углы и подал Кириллу. Миску обещал к обеду. Кирилл сунул узелок за пазуху, чтобы по дороге домой горох не высыпался, и пошёл к мельнице.

У порога пахло мокрым деревом. Савва сидел на чурбаке и обтёсывал клин. Он был широк в тазу и узок в плечах, а вставал с чурбака с такой лёгкостью, словно его снизу подталкивали. Кириллу он подвинул ногой обрезок доски. Сквозь щель у пола тянуло на ноги.

— Где скрипит? — спросил Савва, выслушав его.

Кирилл показал в сторону воды.

— У наружной опоры, думаю. Когда тяжёлое место вала проходит сверху, его прижимает к боку.

— Тяжёлое место ты как услышал?

Кирилл попробовал объяснить. На заводе можно было положить ладонь на станину и отличить толчок от дрожи. Здесь под ногами дрожало всё строение. Он помнил один вентилятор, который гудел целую смену после того, как на лопасть налипла грязь. Потом выяснилось, что накануне сам Кирилл велел ученику вымести всё под вентилятором и забыл предупредить, куда летит пыль.

— Колесо льдом обросло с одного края, — сказал он. — Может, его тянет.

Савва посмотрел на клин, снял с него ещё тонкую стружку и вложил топор в петлю у пояса.

Они прикрыли затвор. В отводе убавилось воды, колесо сделало несколько ленивых оборотов и встало. На нижней лопасти висели два прозрачных наплыва. Кирилл сбил их обухом, стоя по колено в рыхлом снегу у опоры. Савва сверху показывал, где ещё осталась корка. Выше, на ободе, Кирилл нашёл пригоршню льда, крепкого, как камень. Пока отбивал, два раза набрал снег за ворот.

Савва приоткрыл затвор. Колесо тронулось. Кирилл поднялся на берег, пригладил мокрые волосы и услышал знакомый скрип.

— Наелся снегу? — спросил Савва.

— За воротом ещё осталось.

Савва помог ему вытряхнуть снег. Потом они по очереди послушали снаружи и изнутри. У самой воды шуршали лопасти, и скрип терялся. Внутри он слышался ближе к торцу вала, где тот входил в опору. Кирилл попросил ещё раз остановить колесо. На боку опоры была гладкая буроватая полоска, а напротив, на деревянном уступе вала, приставала мелкая тёмная пыль. Он потёр её пальцем и показал Савве.

— Вот где трёт. Если отвести опору на волос, будет ходить свободно.

— А куда вал потом денется?

Кирилл присел, чтобы посмотреть вдоль него. Савва ждал. Из щели у колеса видно было, как в тёмной воде переворачивается длинная щепка. Она то подплывала к лопасти, то уходила под ту же кромку льда.

— Наружу подастся, — сказал Кирилл. — Ты про зубья?

— И про зубья. Они сейчас до половины друг за друга берутся. Сдвинешь вал, начнут кончиками хвататься.

Кирилл глянул на полоску ещё раз. Хотелось хотя бы подложить что-нибудь под опору и проверить. Он уже заметил рядом сухой плоский обломок, удобный по толщине. Савва присел с другой стороны и провёл ногтем по стыку бруса со стойкой. Из стыка сыпалась труха. Кирилл слышал лёгкий хруст, когда Савва нажимал на брус обеими руками.

— А вчера ты это видел? — спросил он.

— Вчера щель была с ноготь. Я решил, успею подпереть после помола. Нынче она шире.

Они завели под конец бруса жердь и опёрли её на обрубок бревна. Савва велел нажать. Кирилл надавил, брус чуть приподнялся. Полоска у торца стала видна целиком. С одного конца она была широкой, с другого сходила на нет. Савва приложил к боку бруса обтёсанный клин. Клин входил в щель только ребром.

Кирилл всё ещё держал жердь. Он наконец увидел, что брус осел к воде и повернулся вместе с опорой. Уступ вала задевал её на одном участке оборота, а от сдвига, который Кирилл предлагал, осевший конец так и остался бы внизу. Савва возился возле щели, стараясь высвободить трухлявую подкладку. Он мог бы сам сказать, что делать дальше. Кирилл почувствовал, как удобно было бы дождаться этого и взяться за работу.

— Савва, я про лёд зря сказал. И опору отводить зря хотел. Она у тебя боком села. Я увидел, где тёрло, и решил, что уже всё понял.

Савва выпрямился. На колене у него пристала мокрая щепка. Он смахнул её и посмотрел сначала на Кирилла, потом на жердь.

— Ты палец убери от края. Прищемишь, будешь всё понимать.

Кирилл переместил руку. Савва наклонился к стыку.

— Боком села, верно. Поднимай ещё чуть. Я свою подкладку выну. С весны собирался поставить хорошую.

Из щели вышел мягкий, почерневший кусок. Савва разломил его двумя пальцами. Новый клин он выстругал из сухого дубового обрезка, и пока примерял, Кирилл трижды опускал жердь и поднимал обратно. После первой примерки брус встал высоко, после второй его всё ещё вело к воде. Савва снял дерево с одного края, замерил щель щепкой и снова постучал обухом. Теперь, когда Кирилл отпустил жердь, брус сел ровно. Савва укрепил подкладку, а Кирилл, налегая на обод, прокрутил колесо настолько, чтобы проверить зазор. Между уступом и опорой осталась узкая щель. Деревянные зубья проходили свободно.

Когда пустили воду, Кирилл ждал скрипа. Мельница отозвалась знакомым рокотом, один раз стукнуло внизу, потом остался ровный шум. Савва прошёлся вдоль стены и вернулся к затвору. Кирилл считал обороты. На шестом Савва окликнул его.

— Есть охота ещё постоять?

— Есть охота поесть.

— Вот и мне. Позови Луку, зерно принесём.

Горох к тому времени остыл. Лука принёс миску и три ложки, две целые и одну со свежим срезом там, где был обгрызен конец. Эту он оставил себе. Ели на пороге, передавая миску. Кирилл, дождавшись остатка, провёл ложкой по дну и вспомнил, что дома могли уже сварить сухой горох, если бы он отнёс узелок сразу. Он нащупал его за пазухой. Узелок был тёплый.

Лука принёс рожь на пробу, немного, в мешке, который можно было донести под мышкой. Савва поставил под выход мучной ларь и показал Кириллу, как подсыпать зерно. Кирилл вывалил разом больше, чем требовалось. Савва придержал его за запястье. Пришлось выбрать полную горсть обратно, и несколько зёрен скатились в рукав. Они кололи локоть, пока он держал мешок. Кирилл дождался, когда помол пошёл ровно, и вытряхнул их на ладонь. Одно сунул в рот, остальные досыпал.

Мука пошла тёплая, с крупинками отрубей. Савва растёр щепоть между пальцами, дал Кириллу попробовать и немного поправил подачу. Лука нагнулся над ларём так низко, что задел бородой свежую муку. Савва ткнул его пальцем в подбородок, Лука вытерся рукавом и спросил, сколько теперь с него за починку. Они сошлись на том, что Кириллу отсыплют часть мукой, а Савва возьмёт своё, когда Лука привезёт из лесу обещанные брёвна. Лука принёс мерку. Кирилл придержал горловину своего мешочка, и Савва ссыпал туда муку. Потом собрал ребром ладони то, что рассыпалось по крышке ларя, и добавил сверху.

К дому Кирилл шёл уже в сумерках. В Ольховом Броде снег возле дворов за день истоптали до серых комков. Он дважды поскользнулся и оба раза первым делом прижимал мешочек к животу. Дверь отворила Маша. Из-за её локтя высунулся Петя с Лидой на руках. Лида тянулась к его уху и никак не могла поймать.

— Дай поставить, — сказала Маша брату. — Ты её сейчас вместе с собой уронишь.

Кирилл положил муку на стол и вынул горох. Анна, сидевшая за шитьём возле лучины, собрала нитку в пальцы, убрала работу к стене и развязала мешочек. Потом поднесла пальцы к носу.

— С мельницы?

— За починку. До ночи думал провозимся, а смололи ещё засветло.

Она подвинула ему скамью носком. Кирилл сел и только тогда заметил, что правая портянка мокрая. Пока разматывал её, Анна достала горшок и велела Маше принести воды. Маша

успела заглянуть в мешочек и сказала, что с такой муки будет хороший припёк. Петя немедленно потребовал и себе.

— Чего тебе?

— Припёку. Чего ты себе выбрала.

— Это сколько хлеб прибавит. От воды.

Петя подумал и поставил Лиду на пол. Та обхватила его за колено.

— Тогда воды побольше, — сказал он. — Мама, я сам принесу.

— Ты оба ведра ещё до двери расплескаешь, — сказала Маша.

— Одно расплескаю, другое донесу.

Он потянулся за дужкой. Лида, всё ещё державшая его за колено, присела вместе с ним и наконец ухватила за ухо. Кирилл высвободил Петю, передал ему пустой ковш, а ведро взял сам. Маша пошла следом, на ходу объясняя брату, что если налить столько, сколько он хочет, то припёк придётся есть ложкой.

Глава 5. Кости

Савва высыпал Кириллу муку в мешочек, подождал, пока осядет белая пыль, и провёл пальцем по краю мерки. Снятого хватило бы, пожалуй, на одну лепёшку для Лиды. Кирилл успел пожалеть об этой лепёшке, прежде чем Савва ссыпал муку с ладони ему же в мешок.

— Это тебе за то, что второй раз под мельницу полез, — сказал он. — Первый раз ты по глупости полез, его я тебе не считаю.

Кирилл затянул горловину. Мешочек был из рукава старой рубахи. Анна зашила его у плеча толстой ниткой и наказала не ставить на снег. Дома она ждала, чтобы сходить к Дросе примерить рубаху, пока ещё видно, где подхватить подол. Маша с утра носила воду и сидела с Лидой. Её обещали отпустить к соседским девочкам, как только Кирилл вернётся. Он сунул мешочек за пазуху и придержал снизу рукой.

У выхода со двора его окликнули. У плетня стояли трое. Одного, кудлатого, Кирилл видел у амбара Луки, двое других смотрели на него с таким удовольствием, словно уже слышали от него хорошую шутку и ждали следующей.

— Идём, — сказал кудлатый. — У Фомы тепло. С тебя ничего, у нас твоя доля лежит.

— Какая доля?

Кудлатый запустил руку в рукав и достал две желтоватые кости. Он подбросил их на ладони. Кирилл разглядел на одной неровные тёмные ямки. Пятая сидела так близко к краю, что при другом свете её легко было пропустить.

— Твои, — сказал кудлатый. — Сам забыл унести. Я их с печи снял, пока Фомина мать в огонь не кинула.

Кирилл думал, что ему будет противно даже смотреть на эти вещи. Кости оказались маленькие и гладкие. Стало любопытно, почему одна темнее другой и на каком боку она чаще ложилась. Он поймал себя на том, что подался ближе.

— Оставь себе.

— Слышали? — сказал кудлатый остальным. — А мне за то, что я их сберёг, полагается спасибо?

— Спасибо.

Двое засмеялись, кудлатый убрал кости. Кирилл уже миновал плетень, когда один из них крикнул ему вслед, что Гридя ждёт за Фоминым сараем. Имя было знакомое. Анна однажды сказала Пете, чтобы тот не ходил за Гридей к реке, даже если Гридя пообещает показать, где зимуют раки. Петя тогда спросил, где они всё-таки зимуют.

Кирилл дошёл до поворота. Оттуда уже виднелась их крыша, снежный край над сенями успел осесть и загнулся вниз. Надо было идти домой. Но Гридя мог прийти туда сам, и следующий разговор о зёрнах и костях пришлось бы слушать детям. Кирилл повернул к сараю, рассчитывая управиться в несколько слов.

За сараем Гридя расчищал деревянной лопатой снег перед низкой дверцей. У него были красные от холода уши и чистые рукавицы, стянутые у запястий тесьмой. Увидев Кирилла, он поставил лопату к стене.

— Здорово. Видал, как они пошли тебя звать? Я одному сказал, остальные увязались. Куда ты так торопишься?

— Домой. Чего хотел?

— Дай погляжу на тебя. Говорили, у тебя пальцы почернели.

Кирилл вынул руку из-за пазухи, показал пальцы. Гридя поднёс к ним свою рукавицу, как будто примерил. На большом пальце тесьма распустилась, и он тут же принялся затягивать её зубами.

— Мне бы впору было, — сказал он. — Как раз думал, кому отдать запасные. Да ты живучий. Я в ту ночь до угла с тобой дошёл. Велел тебе идти ко мне спать, а ты сказал, что Анна сварила рыбу и ждёт.

Никакой рыбы, Кирилл знал, у них тогда не было. Он представил, как человек под хмельком шёл в метель и сам верил, что дома ждут с горячей ухой. От этой мысли захотелось поскорее уйти.

— Зачем звал?

— Егор тебе рожь дал. Ты обещал, что, если с первой мерки отыграешься, мы остальное вдвоём пустим. Ну, с первой не вышло. Теперь ты у мельницы, там опять зерно будет. Достанешь мерку, я за тебя сяду. Мне нынче везёт.

Гридя говорил негромко, без уговоров, будто напоминал, что они собирались вместе сходить за хворостом. Кирилл переставил руку. Мешочек под одеждой сполз к самому поясу.

— Егор дал мне в долг. С ним я и рассчитался бы, если бы была у меня целая мерка. На то, что ты говоришь, зарубка есть?

— Мы с тобой без зарубок обходились. А то подумай, сколько бы дерева извели.

Гридя улыбнулся, и Кирилл тоже едва не улыбнулся. С этим человеком, должно быть, хорошо было сидеть в тепле, когда домой идти неохота. Он умел слушать так, что даже чужая глупость в его пересказе делалась смешной и простительной. Кирилл уже собирался сказать, что зерна для него всё равно не будет, когда Гридя наклонился к дверце и откинул щеколду.

— Глянь хоть, что ты мне сделал.

Из темноты он вытянул широкие сани для дров. На одном полозе, у переднего загиба, торчал обломанный стояк. Гридя показал пальцем на скол.

— С горки на них поехал. Без меня. Утром нашёл у ольхи. Спроси Фомку, если думаешь, что я себе сам расколотил.

Кирилл присел. Дерево на изломе было светлое, в щели смерзлись крупинки снега. Откуда ему знать, кто пустил сани с горки? В голосе Гриди, однако, только тут послышалась досада. Он потянул сани на себя, стояк перекосило, и Гридя выругался почти шёпотом. Видно было, что он уже пробовал их ставить на ход и боялся доломать полоз.

— Другой стояк нужен, — сказал Кирилл. — Есть сухой берёзовый обрезок?

— У Фомы под навесом есть. Умеешь, что ли?

Кирилл взялся за обломок, качнул.

— Этот сперва выбить надо. Зерно я тебе не достану. А сани попробую починить.

Гридя помолчал. Потом снял чистые рукавицы, сунул за пояс и сказал, что принесёт обрезок и топор. Пока он ходил, Кирилл положил мешочек на перевёрнутую кадку у стены, подальше от снега. Он решил, что дело займёт самое большее столько времени, сколько Анне нужно, чтобы одеть Лиду. Можно будет встретить её по дороге и взять ребёнка.

Обрезок пришлось тесать с двух концов. Старый стояк выходил по щепке, а когда Кирилл освободил гнездо, оказалось, что у края пошла трещина. Он попросил Гридю принести старую верёвку. Гридя принёс ремешок и спросил, где держать. Держал он крепко, хотя мёрзли руки и приходилось время от времени подсовывать их под мышки. Из-за угла высунулся кудлатый, спросил, идут ли они к Фоме.

— Он меня обыгрывает, — сказал Гридя. — Уже до ремня довёл.

Кудлатый постоял, посмотрел, как Кирилл прилаживает стояк, и ушёл. Свет к тому времени падал со стороны реки, и в тени сарая Кирилл дважды промахнулся обухом мимо деревянной прокладки. Гридя предложил оставить до утра. Кирилл представил, как завтра снова будет искать топор и тащить сани из-под навеса. Он велел Гриде развернуть их, чтобы было виднее, и доделал.

Испытать сани Гридя усадил его самого. Провёз до плетня и обратно, на кочке нарочно дёрнул. Стояк выдержал. Кирилл встал, отряхнул снег с колен. Гридя пошевелил новый стояк и спросил:

— Оно теперь так и будет стоять?

— Ремешок подтяни, если ослабнет. И с горки пустые не пускай.

— Так это ты пустил, — сказал Гридя и засмеялся.

Кирилл снял мешочек с кадки. Гридя придержал дверцу, собираясь убрать сани, и кивнул на муку.

— Дома знают, что ты у меня?

Оказалось, этот вопрос Кириллу было неприятнее слышать, чем всё остальное. Он сказал, что ему пора, и свернул за угол. Снег на их крыше уже едва различался.

В сенях стоял Егор Весло. Его борода отсырела у рта, видно было, что ждал давно. Из избы тянуло запахом горячей воды и подгоревшей корки. Кирилл потянулся к двери, но Егор спросил, при нём ли бирка.

— При мне. Дай муку отнесу.

Анна открыла изнутри. Лида сидела у неё на бедре и водила пальцем по материнскому подбородку. Кирилл подал мешочек. Анна взяла его, взвесила в руке и отступила, пропуская Егора погреться.

За столом Егор достал свою половину деревяшки, Кирилл положил рядом свою. Егор совместил сколы, провёл ногтем поперёк надреза. Кириллу деревянный счёт поначалу казался проще бумажного. Теперь, при свете лучины, он увидел на своей половинке ещё две царапины и попробовал вспомнить, когда их посадил.

— Ключом каким вместе носил? — спросил Егор.

— С ножом.

— Заверни в тряпку. Тут семь длинных и короткая, видишь? Каждая кончается на обеих половинках в одном месте. А эти две белые полоски на моей искать нечего. Сам натёр.

Он вернул Кириллу деревяшку и сказал, что пришёл условиться о завтрашней работе. У него во дворе нужно переложить дрова. Кирилл согласился прийти после мельницы. Егор сунул бирку за пазуху, но остался на лавке.

— Сказывали, тебя к Фоме звали.

Анна, стоявшая у печи, перестала развязывать мешочек. Кирилл сказал, что к Фоме не ходил. Егор подождал, и Кирилл добавил, что задержался у Гриди, починил ему сани. О зерне он сказал ещё позднее, когда услышал, как Анна снова взялась за тесёмку.

— Он любит ставить чужое, — ответил Егор. — Я с ним сидел, бывало, до петухов. Както поставил вёсла. Утром пришлось занимать у брата, сказал, что мои унесло. Река стояла.

Петя до этого чертил пальцем на столе, теперь поднял голову.

— А брат поверил?

— Дал вёсла, — сказал Егор. — На реку со мной пошёл и там спросил, далеко ли их по льду унесло.

Петя засмеялся. Егор встал, поправил пояс и, прежде чем уйти, напомнил Кириллу, что поленница лежит под снегом с краю. Лопату он оставит в сенях.

Анна сняла с Лиды один чулок, потом другой и поставила её босыми ногами на лавку. Та прошлась боком до стены и упёрлась в неё лбом. Маша сидела возле печи, привалившись плечом к тёплой глине. На коленях у неё лежал платок, в котором она собиралась идти к девочкам.

— Дрося ушла к своим, — сказала Анна. — Я туда с Лидой сходила. До темноты она ждала меня дома.

— Я думал, быстро управлюсь.

— Маша тоже так думала. Сидела одетая.

Маша сняла платок с колен и сложила его вдвое, точно сейчас обнаружила, что тот всё это время лежал криво. Кирилл сказал ей, что завтра постарается прийти раньше.

— Завтра ты обещал дрова, — ответила Анна.

Он чуть было не сказал, что она могла отправить Машу и взять Лиду с собой сразу. Лида тем временем отлепилась от стены, потребовала чулок и выбросила его на пол, когда Анна подала. На одну примерку с ней ушло бы втрое больше времени. Кирилл наклонился за чулком.

— Муку я принёс всю, — сказал он.

— Вижу. А работу ты отдал. Дома скамья одна целая, и та потому, что я тебя попросила. Чего ты сразу не сказал, где был?

— Сказал же.

— Когда Егор спросил.

Кирилл выпрямился с чулком в руке. Ему вспомнилось, как легко Гридя принял его отказ про зерно, едва у него появились целые сани. До этой минуты Кирилл был доволен, что сумел так устроить дело. Теперь он перебирал, какие слова мог сказать дома с порога, и все они годились. Просто в сенях стоял Егор, а Кириллу хотелось войти с заработком, чтобы Анна обрадовалась и при детях ни о чём не спросила.

— Про сани я ему поверил, — сказал он. — Наверное, потому, что у него сани были перед глазами. А что ты меня ждёшь, я и так знал.

Анна протянула руку за чулком. Кирилл подал его, но Лида тут же подобрала под себя обе ноги.

— Маша, завтра я сама тебя отпущу, — сказала Анна. — До воды сходишь утром.

— Мне уже не надо. Они сегодня у одной собирались.

Анна открыла рот и помолчала. Потом спросила, осталась ли у Маши корка. Маша сказала, что отдала Пете. Петя полез за пазуху и вынул половину. За столом он разломил её ещё раз и подвинул сестре кусок побольше. Маша взяла меньший, а другой вернула ему.

Кирилл сел с краю лавки. Анна высыпала муку в горшок и перевернула мешочек над столом. Из шва выпала одна сухая травинка. Лида сразу потянулась за ней. Кирилл успел накрыть её ладонью. Лида опустилась на колени и стала по одному отгибать ему пальцы. Дойдя до большого, она велела спрятать травинку опять.

Глава 6. Игольное ушко

Утром Анна отмерила муки на четыре лепёшки. Себе и Кириллу положила одну на двоих, а Машину сделала потолще, потому что вчера та так и легла с куском корки в животе. Пока лепёшки пеклись, Анна вынула из короба новый отрез. Рубаха вышла такая ладная, что Дрося заказала и младшей дочке обнову к весне. Анна собиралась раскроить её ещё вчера, засветло. Теперь предстояло шить при лучине, а на сером полотне и днём легко было взять соседнюю нитку за ту, которую вытягивала для ровного края.

Иглы под тесёмкой на стене не оказалось. Анна сняла лоскут, в который обычно её вкалывала, повертела перед огнём. Дырочки были, иглы не было. Она провела ладонью вдоль лавки и наткнулась на Петину пятку.

— Ногу подними. Другую тоже. Да сядь ты, чего на одной стоишь?

Петя сел, успев при этом обеими ногами наступить туда, где Анна только что искала.

Маша принесла воды и принялась вытирать мокрый край ведра. Вытирала долго, сперва тряпкой, потом собственным рукавом.

— Ты иглу брала? — спросила Анна.

— Я её в щель сунула.

— В какую?

Маша взглянула на Кирилла. Он сидел у печи и соскребал с лепёшки подгоревший бок, подставив ладонь, чтобы после съесть крошки.

— В сенях, — сказала она. — За косяк.

За косяком Анна нашла свёрнутую бересту. Внутри лежала игла, обмотанная ниткой, чтобы не выскользнула. Так аккуратно сама Анна убирала её только на дорогу. Она вернулась в избу и положила свёрток перед Машей.

— Зачем в сенях?

— Он бы и её унёс.

Кирилл перестал скрести лепёшку. Анна пожалела, что спросила при нём, и тут же рассердилась на себя за эту жалость. В прошлом году муж выменял её ножницы на кости с чёрными глазками. Остриё у ножниц было обломано, зато вдоль сгиба они резали ровно. Анна ещё ползимы тянулась за ними всякий раз, когда кто-нибудь просил укоротить подол.

— Сегодня я иглу не брал, — сказал Кирилл.

Маша кивнула, глядя на лепёшку у него в руке. Тогда Анна заметила, что на столе отрез лежал загибом в другую сторону. Она развернула его. У ближнего края виднелась бурая полоска, а в ней, поперёк нитей, чернела дыра в два пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.